

И. В. Дмитриева, Е. С. Безменова

НОМИНАТИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ УГРОЗЫ

Каноническая модель высказывания со значением угрозы в английском языке представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным условия, где главное предложение (комиссивная составляющая) служит выражению собственно угрозы, т. е. вербализует обещание причинить вред адресату, а придаточное предложение содержит информацию об условиях, при которых угроза будет выполнена. При этом содержание придаточного предложения может быть интерпретировано как указание на то действие, выполнение которого позволит адресату избежать негативных действий адресанта. Для этого, как было показано в исследовании Р. Карчевского, достаточно применить операцию логического отрицания. Соответственно, придаточное предложение можно оценивать как директивную составляющую. Например, в предложении *If you do that I shall call the police* условием выполнения угрозы является *you do that*, а директив понимается как 'do not do that'.

Ожидается, что в семантической структуре предложения участники коммуникативной ситуации угрозы будут представлены семантическими ролями агенса и пациенса. К примеру, в предложении *If you don't tell me the truth, I will end you without a doubt* адресант и адресат угрозы вербализованы как семантические агенс *I* и пациенс *you* главного предложения. Что вполне обосновано, поскольку именно главное предложение передает информацию о том, кто и какие негативные действия будет выполнять по отношению к адресату угрозы. В придаточном предложении семантический агенс *you* служит именованию адресата угрозы, поскольку в этой части содержится требование выполнения адресатом угрозы определенных действий. Таким образом, адресат угрозы вербализуется дважды: как семантический пациенс главного предложения и семантический агенс придаточного. В подобных употреблениях номинативные элементы служат прямому именованию участников коммуникативной ситуации угрозы.

Отобранный языковой материал анализа показал, что наряду с прямой вербализацией участников ситуации угрозы в предложении существуют и другие, достаточно разнообразные способы представления участников коммуникативной ситуации угрозы, с одной стороны, а с другой стороны, номинативные элементы семантической структуры предложения могут именовать не только непосредственных участников коммуникативной ситуации. Например, в предложении *If you disobey me again, I will find your family and shoot them right there* семантический агенс придаточного предложения *you* называет адресат угрозы, но данный участник не является объектом, на которого будет направлено негативное действие адресанта. Пациенс главного предло-

жения вводит еще одного участника – *your family, them*, которому и будет нанесен вред. Данное употребление иллюстрирует асимметрию семантических и коммуникативных ролей в высказывании со значением угрозы.

В то же время допустима еще одна вариация асимметрии в семантике менасивного высказывания. Например, в предложении *If you do this, they will kill him instantly* агенс и пациенс главного предложения не называют адресанта и адресата угрозы, поскольку ни *they*, ни *him* не являются участниками данного эпизода общения (говорящим и слушающим), хотя они выступают субъектом-исполнителем угрозы и объектом негативных действий соответственно. Такие употребления показывают, что кроме соотнесения семантического уровня (номинативные элементы в семантической структуре предложения) и коммуникативного уровня (участники коммуникативной ситуации угрозы) необходимо привлекать к анализу и уровень эпизода общения. Тогда сопоставлению будут подвергаться пары: семантический агенс и пациенс, коммуникативный адресат и адресант угрозы и ситуативный говорящий и слушающий. Подобное сопоставление востребовано и при анализе употреблений, аналогичных примеру *If he speaks again without me knowing who he is, I will throw him out of the window*, где объект угрозы *him* не является участником эпизода общения, слушающим.

В качестве варианта описанной выше асимметрии семантических, коммуникативных и ситуативных ролей можно рассмотреть высказывание *The King will have you banished from this kingdom if you tempt him. The King*, будучи агенсом главного предложения, служит именованию субъекта, выполняющего негативные действия по отношению к объекту угрозы, но не является участником эпизода общения; адресант и лицо, исполняющее угрозу, не совпадают.

Асимметрия семантических, коммуникативных и ситуативных ролей может усиливаться при использовании некоторых грамматических структур, в частности, при употреблении предиката главного предложения в страдательном залоге. В предложении *But if one resists and rebels, he will be devoured by the sword* синтаксическое подлежащее главного предложения *he* не является семантическим агенсом, что связано с морфологической формой страдательного залога, в котором стоит глагол-предикат – *will be devoured*. Значение морфологической формы глагола указывает на то, что *he* является объектом воздействия, а не субъектом действия. Предложное дополнение *by the sword* служит именованию агенса-исполнителя негативного действия, который не может рассматриваться ни как адресант в коммуникативной ситуации угрозы, ни как говорящий в описываемом эпизоде общения. Такая асимметрия уже четырех уровней (синтаксический, семантический, коммуникативный, ситуативный) позволяет предположить, что несмотря на то, что в предложении содержится указание на негативные действия и условие выполнения этих негативных действия, прагматически данное высказывание может быть интерпретировано не как менасивный речевой акт (угроза), а как предупреждение.

Таким образом, анализ номинативных элементов семантической структуры предложений со значением угрозы показал, что прямое соотнесение, прямая номинация участников ситуации угрозы является лишь одним из возможных способов вербализации. Остальные варианты представляют собой своего рода проекции, степень удаленности которых от канонической модели определяется, прежде всего, соотношением семантических, коммуникативных и ситуативных ролей, а также требует учета возможных вариантов, получающих свою реализацию на синтактико-морфологическом уровне. Составление номенклатуры таких проекций в дальнейшем может показать, что угроза как речевой акт это не только «обещание причинить вред». В отличие от русского языка английские словарные дефиниции глаголов *threaten* и *menace* подчеркивают комплексный характер менасива, в котором сопрягаются комиссив как обещание причинить вред, и директив как некоторое требование, выполнение которого может позволить избежать причинения вреда. Угроза предстает как манипулятивное речевое действие, целью которого является не «причинение вреда», а выполнение адресатом некоего действия. Степень удаленности конкретной вербализации от канонической модели позволяет объективировать различия угрозы и предупреждения.